

исследование специфики порождения и интерпретации других видов гендерно ориентированного дискурса.

1. Андерсон Д.Р. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
2. Белл Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 318 с.
3. Верещагин Е.М. Костомаров В.К. Язык и культура. – М.: МГУ, 1983. – 232 с.
4. Заботкина В.И. О взаимосвязи прагматических и когнитивных аспектов лингвистических исследований // Актуальные проблемы лингвистической семантики и типологии литературы. Материалы международной научной конференции. – Калининград: КГУ, 1997. – С. 28-29.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб: Питер. 2003. – 352 с.
6. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура. Мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 4-7 апреля 2001г). – М., 2001. – С. 119-121.
7. Сельченок К. Реклама как психологическое искусство // Загадка чарующего образа. – 1995. – 97 с.

АДАПТИРОВАННОСТЬ КОГНИТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ТЕКСТА КАК КОМПОНЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Гусакова Н.Л., Огнева Е.А.

(Россия, Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет)

Ключевые слова: культура, языковая модель мира, концептосфера, когнитивно-дискурсивный анализ.

Одним из актуальных направлений эволюционирующего языкознания является всестороннее исследование процессов вербализации, формирующих языковую модель мира – выраженное языковыми знаками понимание того, как устроен мир. Представляя собой результат концептуализации мировоззренческих категорий культуры, языковая модель мира закономерно становится базисом межкультурной коммуникации. Изучение лингвистических основ межкультурной коммуникации – это многовекторный путь к взаимопониманию народов и, как следствие, к диалогу культур. Культурно обусловленные знания, вербализуясь, образуют языковую картину мира, которая имеет описательную, констатирующую силу, тогда как модель мира первична и имеет объяснительную силу, но, по мнению Н.Ф. Алефиренко «в обоих случаях единицей объяснения и описания служит концепт <...> как оперативная единица ментальности, которая на вербальном уровне обозначается словом, словосочетанием или фразеологизмом <...> и выполняет в структурировании картины мира роль стержневого элемента» [Алефиренко 2006:25].

Художественная картина мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных процессов, актуализируется в художественном тексте, концептосфера которого представляет собой совокупность художественных концептов. Под художественным концептом понимается «компонент художественной концептосферы автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являющиеся в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета; создают когнитивную ауру произведения и требуют от переводчика определённого уровня межкультурной компетенции» [Огнева 2011а:4], т.е. способности выражения параметров языковой модели и языковой картины мира, зафиксированных в тексте оригинала, средствами языка перевода.

Современным уровнем развития когнитивно-дискурсивной транслятологии востребовано: «проведение глубинных исследований описательных параметров художественного пространства текста; определение значимости места и роли человека в этом пространстве при описании специфики художественного образа; установление роли пространственных параметров в повествовательной канве произведения» [Огнева 2011б:64]. Ещё В.Г. Гак в своих трудах указывал на тот факт, что «внутри поля пространства можно выделить ряд структур: 1) типы пространств (в измерениях): точка — линия — поверхность — объем; 2) организация пространства — оппозиции: центр / периферия; открытое / закрытое пространство; 3) позиции объектов, их пространственная соотносённость (относительное пространство): близко / далеко; справа / слева и т.д.; 4) направления, ориентация; координаты; 5) мера длины, расстояния, поверхности, объема и др.; 6) восприятие пространства: вид, аспект, угол, точка (зрения), подход» [Гак 2000:127].

Архитектоника номинативного поля когнитивных структур, составляющих концептосферу литературно-художественного произведения, представляющая собой результат вербализации всех вышеперечисленных параметров пространства в тексте, вызывает закономерный интерес у исследователей, так как, по мнению Ю.М. Лотмана, «структура пространства текста, становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста — языком пространственного моделирования <...>, исторические и национально-языковые модели пространства становятся организующей основой для построения картины мира» [Лотман 1998:212].

Когнитивно-сопоставительное исследование параметров художественного пространства текста-оригинала и текста-перевода создаёт предпосылки для дальнейшего развития межкультурной коммуникации вследствие того, что рассматриваемое нами художественное пространство как образ физического пространства в художественном произведении задаётся национально-культурно обусловленным пространственным мышлением, под которым понимается «выбор пространственных координат

при категоризации и концептуализации самых разных явлений действительности» [Корнева 2008:423].

Проводимые нами исследования художественного пространства базируются на том, что «национально-культурное своеобразие пространственного мышления этноса проявляется не только в разной концептуализации и категоризации одних и тех же явлений объективной действительности на основе пространственных представлений, но и в разной степени когнитивной проработки вертикально- и горизонтально-ориентированных предметов» [Корнева 2008:428]. Результатом ранее проведённых исследований стало построение пространственных моделей национально маркированного сегмента концептосферы художественного произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и его перевода на английский язык, а именно, создание двух пространственных моделей: *Келья старца Зосимы* и *Покои настоятеля* [Огнева 2011б].

Когнитивно-дискурсивный анализ концептосферы вышеуказанного произведения русской классики выявил наличие большого числа когнитивно-пространственных моделей. В статье представляется интересным рассмотреть когнитивные структуры, репрезентирующие пространственную модель *Дом Карамазова* в текстах оригинала и перевода на английский язык с целью выявления степени адаптации её параметров к восприятию инокультурным читателем. Подчеркнем тот факт, что концепт *Дом* представляет собой собирательный образ жилья и быта в России. Он является культурно-маркированным в исследуемой концептосфере произведения вследствие наличия в его номинативном поле значимого числа национально окрашенных сегментов. Концепт репрезентирован большим количеством когнитивных моделей, которые вербализованы как различными словосочетаниями: *дворовая изба, гнездо и др.*, так и непосредственно лексемой *дом (домик, домишко)*, которая употреблена 313 раз в тексте как при описании событий, так и при указании на местонахождение героев произведения. Так, например, при описании жилья госпожи Хохлаковой Ф.М. Достоевский употребляет лексему *дом* пять раз в двух предложениях: *Скоро подошел он к дому госпожи Хохлаковой, к дому каменному, собственному, двухэтажному, красивому, из лучших домов в нашем городке. Хотя госпожа Хохлакова проживала большею частью в другой губернии, где имела поместье, или в Москве, где имела собственный дом, но и в нашем городке у нее был свой дом, доставшийся от отцов и дедов* [Достоевский 1989: 133].

Проведённые исследования выявили тот факт, что концепт *Дом* репрезентирован в рассматриваемой концептосфере произведения чаще всего статичными когнитивными структурами – фреймами. Субконцепт *Дом Карамазова* как значимая составляющая вышеуказанного концепта *Дом* репрезентирован одноименным субфреймом, который состоит из двух частей: фрейм-элемент *внешний облик здания* и фрейм-элемент *интерьер здания* [см. подробнее об архитектонике концептосферы текста: Огнева

2011а: 60-61]. Исследуем номинативное поле фрейма-элемента *внешний облик здания* в следующем контексте с целью его когнитивно-сопоставительного анализа с моделью поля, образованного средствами переводного языка: *Дом Федора Павловича Карамазова стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине. Был он довольно ветх, но наружность имел приятную: одноэтажный, с мезонином, окрашенный серенькою краской и с красною железною крышкою. Впрочем, мог еще простоять очень долго, был поместителен и уютен. Много было в нем разных чуланчиков, разных прятков и неожиданных лесенок* [Достоевский 1989: 68].

Когнитивно-герменевтический анализ материала показывает, что в исследуемом сегменте художественного пространства текста, прежде всего, чётко выстроена оппозиция: *центр – периферия: дом стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине* – локализация в структуре пространства. В описании дома выявлены также языковые маркеры вертикально-горизонтальных пространственных осей. Так, вертикальная ось вербализована словосочетаниями: 1) *(дом) одноэтажный с мезонином*, 2) *много лесенок*; горизонтальная пространственная ось – словосочетаниями: 1) *был поместителен*, 2) *много в нем разных чуланчиков*, 3) *разных прятков*.

Когнитивно-сопоставительный анализ исследуемого контекста в оригинальном произведении и переведённом на английский язык: *The Karamazovs' house was far from being in the centre of the town, but it was not quite outside it. It was a pleasant-looking old house of two stories, painted grey, with a red iron roof. It was roomy and snug, and might still last many years. There were all sorts of unexpected little cupboards and closets and staircases* [Dostoevsky 2001: 148] выявил ряд трансформаций в когнитивной модели *Дом Карамазова*. Так, вертикальная пространственная ось увеличена, ср.: *(дом) одноэтажный, с мезонином* и *house of two stories* (двухэтажный), тогда как горизонтальная пространственная ось уменьшена, ср.: *много было в нем разных чуланчиков, разных прятков* и *there were all sorts of unexpected little cupboards and closets*, где нивелировка лексемы *много* привела к сужению пространства по горизонтальной оси. Маркер локализации (*центр-периферия*) в пространстве адаптирован к восприятию англоговорящими читателями в полном объёме, ср.: *дом <...> стоял далеко не в самом центре города, но и не совсем на окраине* и *house was far from being in the centre of the town, but it was not quite outside it*.

Выявлено, что когнитивная пространственная модель *Дом Карамазова* в результате перевода утратила значимый этномаркер *мезонин* (полуярус, полужилье, надстройка над средней частью жилого дома, часто с балконом), т.к. в России в XIX веке строительство именно домов с мезонином получило широкое распространение, являясь отличительной чертой архитектуры каменных и деревянных усадеб. В переведённом тексте словосочетание *house of two stories* нивелирует архитектурную особенность карамазовского дома,

делая его похожим на дом госпожи Хохлаковой *a stone house of two stories* [Dostoevsky 2001: 298].

Таким образом, вследствие переводческих трансформаций изменился фасад и величина дома, нивелирован этнокомпонент в исследуемой когнитивной модели *Дом Карамазова*, несмотря на то, что облик дома иллюстрирует и характер хозяина, и уровень его достатка. С нашей точки зрения, не вызывает сомнения тот факт, что, если Ф.М. Достоевский поселил одного из главных героев в дом с мезонином, а госпожу Хохлакову в двухэтажный дом, то и тексте перевода эти герои произведения должны проживать в аналогичных домах.

Дальнейшее исследование номинативного поля субфрейма *Дом Карамазова* показало, что второй фрейм-элемент интерьер здания вербализован в следующем контексте: *Он и вправду застал еще отца за столом. Стол же был, по всегдашнему обыкновению, накрыт в зале, хотя в доме находилась и настоящая столовая. Эта зала была самая большая в доме комната, с какою-то старинною претензией меблированная. Мебель была древнейшая, белая, с красною ветхою полушелковою обивкой. В простенках между окон вставлены были зеркала в вычурных рамах старинной резьбы, тоже белых с золотом. На стенах, обитых белыми бумажными и во многих местах уже треснувшими обоями, красовались два большие портрета – одного какого-то князя, лет тридцать назад бывшего генерал-губернатором местного края, и какого-то архиерея, давно уже почившего. В переднем углу помещалось несколько окон, пред которыми на ночь зажигалась лампадка... не столько из благоговения, сколько для того, чтобы комната на ночь была освещена* [Достоевский 1989: 91].

Когнитивно-герменевтический анализ материала выявил, во-первых, преобладание маркеров локализации в пространстве: 1) *(отец) за столом*, 2) *стол накрыт в зале*, 3) *в простенках*, 4) *на стенах*, 5) *в углу*; во-вторых, репрезентацию как горизонтальной пространственной оси, вербализованной словосочетанием *между окон*, так и вертикальной пространственной оси, маркированной лексемой *иконы*, которые располагаются в доме, как правило, чуть выше человеческого роста; в-третьих, вхождение лексемы *иконы* в состав этновербализатора локализации в пространстве – *в переднем углу*, т.е. *в красном углу*. В результате когнитивно-сопоставительного анализа исследуемого контекста на русском и английском языках в модели субфрейма *интерьер здания* был также выявлен ряд трансформаций при переводе: *He did in fact find his father still at table. Though there was a dining-room in the house, the table was laid as usual in the drawing room, which was the largest room, and furnished with old-fashioned ostentation. The furniture was white and very old, upholstered in old, red, silky material. In the spaces between the windows there were mirrors in elaborate white and gilt frames, of old-fashioned carving. On the walls, covered with white paper, which was torn in many places, there hung two large portraits – one of some prince who had been*

governor of the district thirty years before, and the other of some bishop, also long since dead [Dostoevsky 2001: 200].

Во-первых, этномаркер локализации в пространстве в *переднем углу* нивелирован, ср.: в *переднем углу* – *in the corner opposite the door*, очевидно, что при переводе утрачена религиозная составляющая рассматриваемого вербализатора. Во-вторых, лексема *лампада* переведена словом *lamp*, несмотря на наличие в английском языке устойчивых эквивалентов: *icon-lamp, lampad*. В-третьих, лексема *красовались* (два портрета) переведена словом *hung (viseli)*, что также искажает созданный Ф.М. Достоевским образ интерьера дома Карамазовых как одного из компонентов, характеризующих эту семью.

Таким образом, проведённый когнитивно-сопоставительный анализ номинативных полей фреймов-элементов *внешний облик здания и интерьер здания*, репрезентирующих субфрейм *Дом Карамазова*, выявил, во-первых, трансформацию пространственных параметров этих когнитивных моделей, во-вторых, искажение смысла этномаркеров, что, в целом, обеднило образ, представленный Ф.М. Достоевским на страницах исследуемого произведения, и лишило англоговорящих читателей возможности воспринять всю полноту вышерассмотренного фрагмента художественной картины оригинального текста. Осуществлённые трансформации исказили когнитивные параметры художественного дискурса как одного из базисных компонентов межкультурной коммуникации.

1. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергика слова: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.

2. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Язык пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.

3. Корнева В.В. Национально-культурное своеобразие пространственного мышления и перевод // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 422-431.

5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: «Искусство-СПб», 1998. – С. 14-285.

6. Огнева Е.А. Моделирование этнокогнитивной архитектоники литературных произведений: монография. – Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011a. – 304 с.

7. Огнева Е.А. Трансформация пространственных моделей текстов в кросскультурном поле перевода // Искусствоведение, культурология, филология, лингвистика: современные исследования. Серия «Грани науки». Вып. 4 [эл. ресурс]. – Барнаул: Изд-во «Сизиф» Д.С. Петрова, 2011б. – С. 63-69.

8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Художественная литература, 1989. – 572 с.

9. Dostoevsky F. The Brothers Karamazov // Tr. by C.Garnett. – London: Wordsworth Editions, 2001. – 912 p.